

СОВРЕМЕННАЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. В статье предпринята попытка дать общее представление о неклассической философской антропологии и о ее возможной связи с практической жизнью. Охарактеризовав кратко классический способ философствования и переход от него к новым акцентам, автор раскрывает зарождение и становление экзистенциальной антропологической проблематики в современной философии. В структуру работы входит осмысление философских поисков как зарубежных, так и отечественных мыслителей, что, в целом, придает исследованию более общий характер. Автор указывает на важность в жизни каждого человека таких философских тем, как подлинное и неподлинное бытие, существование и смерть, свобода и ответственность, творчество и самосовершенствование.

Ключевые слова: человек; экзистенция; бытие; смерть; свобода; ответственность; трансцендирование.

Сведения об авторе: Любецкий Виталий Игоревич, аспирант кафедры социально-гуманитарных наук и туризма Нижневартовского государственного университета.

Контактная информация: 628605, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО — Югра, г. Нижневартовск, ул. Мира, 3б, каб. 317, тел.: 8 (3466) 27-35-50; e-mail: ovital@yandex.ru.

Постоянно находясь в водовороте повседневной суеты, поиске решений долгосрочных и насущных проблем, в попытке уловить смысл происходящих событий, человек, особенно современный, погружается в потоки мыслей и переживаний. Обрывки чьих-то речей, заголовки новостных лент, «экспертные» мнения, котировки, курсы, записи в соцсетях, рекламные акции, наконец, общение с близкими людьми и собственные размышления — далеко не полный спектр роящихся в душе смыслов. На наш взгляд, сама необходимость жить в этом пространстве образов, идей и связанных с ними чувств, способность ориентироваться и как-то «справляться» с данным разнообразием, делает из каждого человека немного философа.

Конечно, то что принято называть профессиональной или академической философией, имеет специфическую область размышлений, особенные методы рассуждения и, зачастую, сложный язык и еще более сложную форму изложения. «Старик Кант» поднял уровень философствования на запредельную высоту, и возможность разбираться в ней стала уделом немногих. В связи с этим проблемы философии часто представляются довольно абстрактными и оторванными от реальной жизни, а потому считаются «пустыми» размышлениями. Дело в том, что в некоторой степени именно такой и была философия до относительно недавнего времени. Сегодня можно небезосновательно утверждать, что по этой причине к рубежу XIX—XX вв. европейская мысль находилась в состоянии глубокого кризиса.

Ставшее классическим рациональное, формально-абстрактное объяснение важнейших вопросов философского проблемного поля перестало в полной мере удовлетворять запросы многообразных аспектов человеческой жизни, взятой в ее полноте и конкретности. Это критическое переосмысление коснулось всех важнейших направлений философии: вопросов о бытии — онтологии, о познании — гносеологии и собственно антропологии с ее главнейшей проблемой — вопросом о самом человеке. Можно сказать, что антропология вышла на передний план, затмив собой все остальные и поставив их в зависимость от себя. Конечно, о человеке философы думали всегда, но в рационально-схематических построениях с ним было «как бы все понятно», что подспудно, косвенно вело к тому, что его личным существованием можно было «пренебречь». Классической

философии были интересны общие характеристики человека: его разум, воля, долг и подобные всеобщие, т.е. «типичные», «стандартные» проявления. Человек, таким образом, имплицитно становился некоторым утилитарным значением в слаженной схеме, «превращался» в один из объектов, попросту в вещь.

Первыми против этого «восстали» не сразу ставший известным датский философ Сёрен Кьеркегор и более популярный немец Фридрих Ницше. Революционность их размышлений привела к акцентированию внимания на уникальности и индивидуальности человеческой личности. В отечественной мысли очень глубоко эту тему затрагивал Ф. М. Достоевский, более художественно, нежели философски погружая читателя, через внутренний мир персонажей своих произведений, в личную глубину и трагическое бунтарство индивидуального против всеобщего и необходимого. Этот протест ввел в философию новую область, ставшую главной, и новое определение — *экзистенцию* как сферу личного существования, внутреннего обретения самого себя, осознания своего «Я», соотношения себя с «Другим», переживания своего бытия в мире и в конкретной ситуации, отношения к смерти, проявления свободы, любви, веры и многого другого. Начавшаяся разработка экзистенциальной проблематики стала интересоваться конкретной индивидуальной жизненной «тканью» человека, средоточием его уникального и неповторимого личностного пространства.

Немецкий мыслитель Макс Шелер начинает строить *фундаментальную философскую науку о сущности человека и структуре его бытия* (Шеллер 1994: 70—97). Одной из главных тем этого философа становится осмысление абсолютной необходимости присутствия любви в человеческой жизни. Французский экзистенциальный мыслитель Габриэль Марсель посвящает себя философскому осмыслению надежды как сверхрациональному состоянию, упраздняющему страх тоску и отчаяния (Бурханов 2011: 240—245). Американский теолог немецкого происхождения Пауль Тиллих разрабатывает экзистенциальное измерение веры человека как его предельной заинтересованности и *самого личностного из всех личностных актов*. Философ семитского происхождения Мартин Бубер заостряет внимание на теме диалога человека с другим человеком и с Богом, развивая важнейшую философскую проблематику соотношения «Я» — «Ты». Экзистенциалисты Жан-Поль Сартр и Альбер Камю остро описали увиденный ими в жизни человека ужас смерти и абсурд существования, правда, не найдя из этого подлинного выхода по причине утраты веры в абсолютное и запредельное (Бога). Список зарубежных мыслителей, внесших существенный вклад в экзистенциальную философию, может быть дополнен такими именами, как Карл Ясперс и Мартин Хайдеггер и некоторыми другими.

Русских философов, преемников и наследников творчества Достоевского и Вл. Соловьева, также интересовала важнейшая сфера человеческого существования. Характерной чертой русской философии является ее органическая связь с христианским мирозерцанием, в большей степени с православным его пониманием. Не всегда оставаясь в пределах догматических очертаний истин православной веры, русские философы, тем не менее, никогда не теряли связи с Богом. Тогда как на Западе для многих, по выражению Ницше, «Бог умер», и по меткому дополнению Достоевского стало «всё позволено», русское сознание осталось в стороне от этого трагичного и тупикового пути. Упомянутый кризис европейской мысли и наглядность безбожия, «воцарившегося» в советской России, явились отправной точкой для построения самобытной русской философии, именуемой часто религиозной. В условиях лишений в эмиграции русские мыслители, пораженные в правах на Родине, стремились ясно и ярко показать важнейший аспект человеческой жизни — его духовное начало. Трагически вынесенные и глубоко пережитые экзистенциальные прозрения отечественных философов (С. Л. Франка, Л. И. Шестова, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и др.) и священников (П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, Г. В. Флоровского) составили фундаментальный вклад в отечественную и мировую экзистенциальную философию.

Но вернемся в современность. Вспомним тезис, что всякий человек немного философ. Ведь каждый, так или иначе, погружен в круг своих жизненных проблем, переживаний, в те или иные связи, сообщества, подвержен чьим-то влияниям, зависимостям, наделен своими представлениями и ожиданиями. Каждый, можно сказать, обречен на экзистенцию, или, говоря словами Хайдеггера, «вброшен» в этот мир, только, может, не всегда осознает и чувствует это, не всегда, говоря языком философии, рефлексивирует. Возникает резонный вопрос: что опыт прошлого, чей-то опыт, пусть даже это были великие (для кого-то) люди может представить конкретному «мне» или «вам»?

Главным «даром» философии и именно в области экзистенциальной антропологии, на наш взгляд, является сам факт ее наличия, ее присутствия в сознании и переживании человека. Это может означать, что личность опознает саму себя и «просыпается» от сна повседневности, от такого состояния, когда есть собственная жизнь, но она проходит мимо тебя. Одна из главных интуиций экзистенциальной философии та, что человеческое существование может быть *подлинным*, собственным и *неподлинным*, чужим — не его. Свою жизнь человек очень часто рассматривает глазами других, реагируя на мнения, огорчаясь до болезненности чужим неприятием и совершая порой безумные вещи ради одобрения. Стремление жить мнениями порождает подчинение человека опять же кем-то определенным стандартам жизни, поведения, заставляет его во что бы то ни стало «подтянуть» свое существование к заданным формам, принадлежности некоему статусу и т.п. Набирая обороты, эта погоня за иллюзиями все дальше отвлекает личность от самой себя, от жизни здесь и сейчас, перенося ее в некогда-возможно-достижимое «там» и «тогда». Свое собственное представление о себе, вдумчивое и искреннее самопознание не находит места в сознании и ускользает. А значит, теряется возможность конструктивного изменения, позитивного саморазвития, исправления себя в случае ошибки, закрывается путь к внутреннему духовному совершенству.

Осознавая себя, человек берет свое существование в свои руки, становится распорядителем своей жизни, берет ответственность за самого себя. Ответственность здесь не просто «красивое слово», сказанное кому-то в назидание, это не следующий тенью за понятием «преступления» синоним «наказания». Область ответственности — это область свободного творчества человека, область единственно возможного качественного самобытного движения. Постоянное переложение ответственности на кого-то другого, «бегство от свободы» — это тот же отказ от подлинного существования. Еще из Библии известна история о грехопадении первых людей и ставшее привычкой перекалывание ответственности на другого. Бог спрашивает у спрятавшегося «в кустах» Адама сначала: «Где ты?», а затем: «Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть»? Это спрашивает всеведущий (все знающий и все видящий, т.е. знающий, что Адам нарушил заповедь и видящий где он сейчас находится) Бог, очевидно призывая человека к осмыслению и исправлению. Адам с легкостью нашел «виноватого»: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел». С тех пор человек едва ли не постоянно перекалывает ответственность на кого и что угодно: на Бога, Который «наказывает», на жену (мужа), детей, злых людей (начальство и правительство — свое или чужое, или «тайное»), в конце концов, на инопланетян, потом на черных кошек, а далее и вовсе на какие угодно вещи: от подброшенных иголок до находящихся на невообразимом расстоянии звезд.

В итоге ответственность перелagается на вообще судьбу, рок, случайность и необходимость — а значит упраздняется свобода. Снова человек сводится к вещи-кукле в руках произвола. Но свобода — едва ли не самая главная ценность человека, об этом говорит наша внутренняя интуиция, ее требует наша личность. Свободу воспевают философы. Как писал Н. А. Бердяев в «Философии свободного духа», дух и есть свобода. И только свободное перемещение ответственности в центр своей жизни, осмысление и проживание обстоятельств и взаимоотношений определяют подлинный характер существования человека. Многочисленные напряженности и надрывы во

взаимоотношениях с людьми, тревога перед реальными или иллюзорными опасностями, суеверия или магические страхи с философской точки зрения преодолеваются творческой и свободной активностью экзистирующего (стремящегося к подлинной экзистенции) человека. Ответственность становится реальным *ответом* человека на возникающие обстоятельства жизни, подлинным диалогом с встречающимися ему другими личностями. Как глубоко замечал С. Кьеркегор, «не то, что случается со мной делает меня великим, но только то, что я сам делаю» (Кьеркегор 1993: 383).

Иногда экзистенциальную философию считают мрачной по причине ее связанности с темой смерти. Обыденному сознанию свойственно избегать этой актуальнейшей для человека реальности. Как писал Хайдеггер, люди озабочены постоянным *успокоением на счет смерти*. (Хайдеггер 2015: 253). Здесь следует напомнить, что еще величайший из древних философов Платон называл философию «упражнением в смерти», это вечная и едва ли не главнейшая ее тема. Смерть — это *не-жизнь*, это, можно сказать, синоним неподлинного существования или его логическое завершение. Поэтому напоминание человеку о неизбежности окончания его существования оборачивается способностью наполнять смыслом и подлинностью каждый момент жизни. «Человеческое мышление, которое хочет и может глядеть в глаза смерти, есть мышление иных измерений... и может быть, за трудностями и ужасами смерти кроется что-либо, что нам нужнее, чем легкость и приятность обыденной жизни?» (Шестов 1993: 369—371). Философская интуиция практически всех мыслителей пытается связать существование человека с вечностью, укоренить его в чем-то бесконечном и не подвластном смерти. Как замечательно показал С. Л. Франк, существование человека всегда проходит «на фоне» бытия вообще, всеобъемлющего бытия (Франк 2003: 172). Эта область запредельного, абсолютного бытия на языке философии называется трансцендентностью, на языке религии — Богом. Движение или проникновение человека в эту область есть трансцендирование его экзистенции. Таким образом, подлинное существование человека происходит через причастность подлинному бытию, через постоянное проживание его в себе самом, или, иными словами, осуществляется в соучастии личности в божественной жизни, сопричастии и единстве с Богом.

Нередко философов, особенно религиозных, «обвиняют» в морализаторстве, в учительстве как нужно правильно жить, что делать или от чего воздерживаться. На наш взгляд, экзистенциальная философия содержит в себе в большей мере указаний, в смысле обращения внимания, привлечения к диалогу, нежели прямых призывов и наставлений. Как сказал К. Ясперс, «тот, кому, пусть даже на мгновение, послышался тихий, но подлинный философский звук, не устанет в своем желании сообщить его другому» (Ясперс 2013: 41). Можно также отметить, что, скорее всего, в нашем сознании при обращении к своей экзистенции возникает это кажущееся навязчивым долженствование и призыв к действию. Сама душа человека, обретая себя, обоняв аромат вечности, прозревает божественный свет, начинает призывать и мотивировать. И тогда, на этих путях личного, уникального и увлекательного поиска, вдумчивого вопрошания и терпеливого ожидания ответов «чья-то» философия становится собственной, собственной становится и своя жизнь.

Литература

- Бердяев Н. Философия свободного духа // <http://www.vehi.net/berdyaev/fsduha/04.html>.
- Бурханов А. Р. 2011. Экзистенциал надежды в теистической философии Габриэля Марселя // Молодой ученый. № 5. Т. 1.
- Кьеркегор С. 1993. Страх и трепет. Москва: Республика.
- Франк С. Л. 2003. С нами Бог / Сост. и предисл. А. С. Филоненко. Москва: ООО «Издательство АСТ».
- Хайдеггер М. 2015. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. 5-е изд. Москва: Академический проект.
- Шелер М. 1994. Человек и история // Избранные произведения. Москва: Гнозис.

Шестов Л. 1993. Сочинения: В 2 т. / Сост., науч. подготовка текста, вст. ст. и примеч. А. В. Ахутина. Москва: Наука. Т. 1.

Ясперс К. 2013. Разум и экзистенция / Пер. А. К. Судакова. Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация».

V.I. Lyubetsky
Megion, Russia

MODERN EXISTENTIAL ANTHROPOLOGY: THEORETICAL ASPECTS AND PRACTICAL SIGNIFICANCE

Abstract. This article attempts to give an overview of the non-classical philosophical anthropology and its possible relation to practical life. The author reveals the emergence and formation of existential anthropological perspectives in contemporary philosophy and at the same time describes the classic and modern ways of philosophizing. The general nature of the article is confirmed by the presence of Russian and foreign philosophers' ideas. The author emphasizes the importance of notions such as authentic and inauthentic existence, existence and death, freedom and responsibility, creativity and self-improvement.

Key words: man, existence, being, death, freedom, responsibility, transcending

About the author: Lyubetsky Vitaly Igorevich, Graduate student, Department of Social and Humanitarian Sciences and Tourism, Nizhnevartovsk State University.